

ТАТЬЯНА СМИРНОВА

Весна
Вероники

16+

Татяна Смирнова
Весна Вероники

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Смирнова Т. В.

Весна Вероники / Т. В. Смирнова — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Веронике не везет в личной жизни: в свои 34 года живет вдвоем с мамой и никогда не состояла в серьезных отношениях. Она давно махнула на себя рукой, но когда в отдел приходит новый начальник по фамилии Волконский, теряет голову. Девушка мечтает произвести впечатление на шефа и на праздничном корпоративе ей это удастся – но совсем не так, как в романтических грезах... Мама Вероники, давно похоронившая мужа, мечтает обрести счастье со старым поклонником, но дочь, ревнуя к памяти отца, не оставляет ей ни малейшего шанса. Двум одиноким женщинам с неустроенной судьбой трудно найти понимание, но рано или поздно им придется это сделать...

© Смирнова Т. В., 2008

© ЛитРес: Самиздат, 2008

Черный косметический карандаш чуть дрогнул в руке, и «стрелочка» в уголке правого глаза получилась какой-то кривой. Вероника схватила «палочку-выручалочку» (зубочистку с намотанной на нее ваткой) и кое-как выровняла подводку. Результатом осталась, конечно, недовольна, но в последнее время это стало ее привычным состоянием, тем более, нужно было поторопиться. Она и так слишком долго возится с лицом – и это при том, что до сих пор еще не решила, в чем идти на этот дурацкий вечер...

Тихо, как привидение, вошла мама, остановилась за спиной у дочери, и Вероника демонстративно швырнула маленькое зеркальце на туалетный столик – с недавних пор присутствие матери стало раздражать. Сейчас она не хотела при ней собираться, и мама, кажется, это поняла, – во всяком случае, молча поджала губы и вышла из комнаты. Вероника решительно повернула ключ в замке, хотя знала, что маму это обидит. Но ей не хотелось примерять вещи при маме, выслушивать ее нотации и рекомендации, спорить, отстаивать свою точку зрения... На это не было ни времени, ни желания.

Осторожно, чтобы не получилось, как с глазом, Вероника обвела бордовым карандашом контур губ и покрасила их бледно-розовой помадой. Получилось вызывающе и вульгарно, но ей сейчас этого и хотелось. Вообще сегодня хотелось как-то выделиться, эпатировать эту серую тоскливую массу – коллег по работе, заставить о себе заговорить.

Тринадцать лет, с институтской скамьи, она провела в одной кабине, за одним столом, в окружении одних и тех же лиц... Одна и та же дорога на работу и с работы, одни и те же разговоры... Даже меню в их столовой за эти годы не претерпело никаких изменений – да и с чего, собственно ему меняться, если поварахи были те же, что и тринадцать лет назад, только растолстели и постарели за это время.

Менялись только начальники, и вот уже три месяца, как ушедшего на повышение Игоря Валентиновича Козлова сменил Вадим Николаевич Волконский...

Даже себе Вероника боялась признаться в том, что причиной ее плохого настроения и недовольства собственной внешностью был именно Вадим Николаевич. «Сорок лет нос ее устраивал, а сейчас вдруг перестал», – ворчала по этому поводу мама, а Вероника взрывалась в ответ: «Не сорок, а тридцать четыре!», на что получала в ответ: «Где тридцать четыре, там и сорок...».

Вероника Симакова привыкла к своей размеренной и спокойной жизни вдвоем с мамой в небольшой двухкомнатной квартирке на третьем этаже старого панельного дома, где провела всю свою жизнь, и где все было таким родным и знакомым, даже песочница за окном. В этой песочнице Вероничка играла в детстве, а когда повзрослела, то мечтала, что когда-нибудь здесь будут лепить куличики и ее собственные отпрыски. Но время шло, а наследников не предвиделось. Кажется, даже мама уже смирилась с тем, что не дождетя внуков, а Вероника и подавно поставила на себе в этом смысле большой и жирный крест...

Девушка распахнула шкаф и с тоской оглядела свои вещи, аккуратно развешенные по плечикам. Нет, ничего подходящего к сегодняшнему случаю ей здесь не найти! Все какое-то стариковское, унылое, надоевшее – даже сравнительно новый бежевый костюм. Последний раз Вероника надевала его на празднование Нового года в родном коллективе: прямая юбка по колено, удлиненный пиджак, застегивающийся на аляпистую блестящую пуговицу...

На городской барахолке этого добра навалом, вот и Изольда Викторовна пришла тогда в таком же костюме, только сиреновом, чем напрочь испортила Веронике праздник. Да и какой там праздник – Игорь Валентинович совместил «приятное с полезным»: Новый год с собственной отвалной, сам первый же и напился до свинского состояния, так что дальше женщины отдела «веселились» сами по себе. Для начала перемыли косточки начальнику и всем его помощникам до седьмого колена; вспомнили Тоньку-секретаршу, которую Козлов уволил за строп-

тивность и несговорчивость («Не дала – и правильно! Так ему, старому козлу, и надо!»); тысячный раз посетовали на то, что никак Верку (то есть ее) замуж не выдадут...

К десяти вечера коллеги напились сухого красного вина до икоты, немного попели хором, и уже в одиннадцать Вероника лежала в своей девичьей постели, тихонько воя в подушку, чтобы не услышала мама...

Нет, этот костюм сегодня определенно не подойдет, он несчастливый.

«Можно подумать, здесь есть что-нибудь счастливое», – кисло усмехнулась Вероника. Оказывается, она и не заметила, как перешла на темные тона в одежде, длинные юбки, глухие свитера. Когда же это случилось? Пожалуй, года два назад – тогда на какой-то дискотеке она с удивлением обнаружила, что в основном ее окружают юные длинноногие создания с насмешливыми и дерзкими глазами.

И вдруг увидела себя со стороны – будто шоры с глаз упали: на танцполе старомодно подпрыгивает странноватая дама явно «за 30» в довольно короткой юбке, открывающей бедра с уже намечающимся целлюлитом, который не прятали даже «Леванте» в 70 ДЕН... Да еще эта легкомысленная маечка на ней тогда была – почему-то с некоторых пор тонкие бретельки стали впиваться в кожу, образуя на теле некрасивые бугристости. Именно тогда она с удивлением обнаружила, что у танцующих рядом девочек такого не происходило, – ляпочки ярких топиков легко и свободно скользили по их худеньким матовым плечикам, то и дело соблазнительно спадая, но никто, конечно же, не спешил их поправлять...

На ту злосчастную дискотеку ее вытащила лучшая подруга Светка, для которой Вероникины терзания были пустым звуком – Светка родилась на пять лет позже, имела дочку Машку, успела развестись и как раз в очередной раз устраивала свою личную жизнь. И хотя Вероника пыталась ей внушить, что на подобных «мероприятиях» личную жизнь не устраивают, Светка как раз тогда, вопреки всем нравоучениям, подцепила хозяина этой самой дискотеки и через год в который раз успешно выскочила замуж. В отличие от Вероники, которая не побывала «там» еще ни разу...

С тех пор (с той самой дискотеки!) Вероника раз и навсегда отказалась от многих привычных предметов гардероба, полюбила объемные трикотажные жакеты и длинные, почти до пят, юбки, окончательно слившись с родным коллективом. И вот сейчас, когда ей впервые за несколько последних лет вдруг захотелось обратить на себя внимание, сделать это оказалось просто невозможно...

Вероника осторожно повернула ключ, открыла дверь своей комнатухи и выглянула в коридор – из маминых «апартаментов» в 16 квадратных метров доносился звук работающего телевизора. Вероника осторожно подхватила с полочки телефонный аппарат и утащила его к себе в комнату. Ей не хотелось, чтобы мама подслушала разговор со Светкой, – лишние выяснения отношений были абсолютно ни к чему.

– Алло, Свет, ты? Привет, это я. – Вероника старалась говорить как можно тише.

– Привет, солнышко! Чего ты там шепчешь, говори громче!

Светлана была, как тот дельфин из старой рекламы, – «живая такая, веселая», и другой, собственно, ее никто никогда не видел, за что Вероника подругу и любила. Все жизненные коллизии и семейные передраги Светлана встречала с юмором – может быть, именно это и помогало ей быстро и безболезненно их переживать?..

– Светик, я не могу громче, у меня дело щепетильное, а мама дома – ты же ее знаешь. Короче, в двух словах: выручай. Мне нужно что-то особенное, чтобы все мои тетки сегодня попадали в обморок... В смысле, из одежды.

– Ух ты, а по какому поводу банкет?

– Да день предприятия, черт бы его побрал. Пятнадцать лет конторе, из них тринадцать – мои, представляешь? Ну да ладно, не в этом дело. Мы сегодня идем в ресторан, а у меня ничего такого нет, подходящего. Весь шкаф перерыла...

– Подожди, а бежевый костюм, который мы тебе на Новый год покупали? Ты же его почти не носила!

– Свет, ты меня не поняла. Я хочу что-то совсем особенное, ну, в твоём стиле... Понимаешь? Не выручишь, а?.. Я бы к тебе сейчас заскочила...

– Вероника, ты это серьезно?! – Подруга на другом конце провода завопила от восторга. – Ну, сподобилась, наконец! Я тебе сколько раз предлагала нормальные вещи, а ты все какое-то «гэ» покупала! Класс! Давай быстро, я тебя жду! Пока будешь добираться, тряпки свои перетрясу – мы тебя экипируем так, что все мужики в ресторане твои будут!

Вероника в знак благодарности чмокнула трубку, а сама подумала: «Мне не надо, чтобы все, мне надо, чтобы один...». И еще о том, что хорошо иметь такую подругу, как Света Динарова, она же Москалева (по первому мужу), она же Семипалатенко (по второму)... Впрочем, Вероника почему-то была уверена, что и эта фамилия у подруги долго не продержится.

Нина Ивановна знала, что дочь собирается в ресторан, и ее разбирало любопытство: в чем Вероника пойдет, какую причёску сделает. Не так-то часто девочка куда-то выбиралась, и сейчас Нине Ивановне страшно хотелось поучаствовать в сборах. Может быть, свою молодость вспомнить – пока Сергей Петрович, муж, был жив, они частенько с ним ходили в разные кафе. Но Сереженька рано ушел из жизни, сорок с небольшим всего было, а ей – и того меньше. Так с тридцати семи и вдовствует, хотя желающих «взять» их с Вероничкой было хоть отбавляй... Вася, Василий Семенович, самый уважаемый и достойный из ухажеров, лет десять ждал, пока Ниночка «отойдет», да так и умер, не дождавшись.

Но разве могла Нина Ивановна в глазах собственной дочери стать предательницей?! Никогда – ведь на могиле Сереженьки она обещала хранить ему верность. Вероника и так косо на мать смотрела, когда Василий на чаек заживал, – плечом дергала, дверью хлопала, нос задирала, не здоровалась принципиально.

Нина Ивановна втайне мечтала, что дочь выйдет замуж, переедет к мужу и уже не будет контролировать: кто к маме пришел, кто остался. Мужского тепла хотелось и в сорок лет, и в пятьдесят...

Но Вероника с мальчиками не гуляла – в старших классах шла на медаль, в институте – на красный диплом, некогда было. Потом стала молодым специалистом и старалась быстрее освоить все премудрости профессии экономиста. Правда, на работе ее не особо жаловали, за тринадцать лет всего-то и перешла в аналитический отдел, причем рядовым сотрудником. Другие девчонки, даже которые помоложе, как-то выбивались, в другие организации переходили на повышение, а Вероника все твердила: «Меня и здесь ценят, зато зарплата стабильная и от дома близко...».

Никак Нина Ивановна не могла этого понять и принять. Сама в свои 57 работала начальником отдела кадров крупного предприятия, и отпускать на покой начальник ее не собирался, потому что более опытного кадровика, чем Симакова, в городе просто не было. Нина Ивановна некоторое время назад экстерном отучилась в каком-то «передвижном» институте, получив второе высшее образование и прибавку к окладу, и сейчас подумывала, не сходить ли еще и на курсы психологов. Что-то они с Вероникой в последнее время совсем перестали друг друга понимать – или, может быть, две одинокие медведицы просто устали жить в одной берлоге?..

Отношения с дочерью окончательно испортились сразу после Нового года. 30 декабря Вероника праздновала на работе, вернулась оттуда в дурном расположении духа и сразу улеглась спать, а утром, как ни в чем не бывало, была снова «белая и пушистая»: выдраила всю квартиру, настругала салатов, испекла «Наполеон». Готовила Вероника изумительно, причем всегда любила это делать, а уж к празднику и вовсе расстаралась.

Бой курантов они встретили, как всегда, вдвоем – так было заведено еще со смерти Сереженьки. Иногда, в прошлые годы, Вероника уходила к кому-нибудь в гости, но всегда после

двух часов, когда Нина Ивановна укладывалась засыпать под «Голубой огонек» или «Старые песни о главном». Однако в последние годы дочка в новогоднюю ночь оставалась дома, даже не красилась, а сидела перед телевизором до утра, переключаясь с канала на канал, чем доводила Нину Ивановну чуть ли не до белого каления. А что делать: телевизор у них один, поэтому приходилось терпеть.

Нина Ивановна планировала в этом году прикупить, наконец, какой-нибудь «Самсунг» с большой диагональю, а свой отдать Веронике, но дочери понадобился компьютер, поэтому от нового телевизора пришлось пока отказаться...

Вообще с деньгами было туговато: Симаковы уже много лет копили Веронике на квартиру, но за ценами катастрофически не успевали. Последний скачок доллара на несколько лет отбросил их от вожделенного новоселья, поэтому приходилось терпеливо ждать, откладывая с обеих зарплат хотя бы по паре-тройке тысяч рублей. Мама и дочь оказались классическими жертвами «квартирного вопроса», который в нашей стране уже несколько десятилетий подряд портит не только москвичей...

Неладное Нина Ивановна почувствовала сразу, как только дочь в первый день после рождественских каникул вернулась с работы. Всегда такая спокойная и уравновешенная, Вероника металась по квартире в чрезвычайном возбуждении и щебетала, не останавливаясь, – Нина Ивановна даже немного тогда от нее устала. Что-то в этой чрезмерной веселости было ненормальное, даже пугающее, и мама заволновалась. Вспомнились все страшные истории, которыми изводили ее приятельницы, про старых дев, все их ужасные предостережения – в том, что Вероника в свои 34 оставалась еще девственницей, Нина Ивановна не сомневалась...

Дочка тогда бросилась пылесосить квартиру и затеяла пироги (это на ночь-то глядя!), а на робкие призывы Нины Ивановны уgomониться вдруг закружила маму по маленькой кухне, едва не опрокинув с плиты кипящий чайник. И только ночью, когда они угощались потрясающими свежееиспеченными плюшками, дочь вскользь проговорила:

– А у нас новенький. Начальник. Представляешь, был Козлов, а стал Волконский. Обалдеть!

И все, больше ни словечка. Нина Ивановна было вострепелась: неужели запал в душу дочери новый начальник? Может, что-то у них получится?.. Ну, не уродина же ее Вероничка, в самом-то деле: среднего роста, тонкая в кости, как сейчас любят, светловолосая, сероглазая – что этим мужикам еще надо, Господи? Почти не красится, не курит, не пьет, и хозяйка редкая. Ведь любого осчастливит!

Но что-то не находилось желающих взять ее Веронику в жены. Будто «венки безбрачия» на дочери... К гадалкам Нина Ивановна не ходила принципиально – боялась, да и денег было жалко. «Я и сама любому что хочешь расскажу, а уж за деньги – и подавно! – отмахивалась она от предложений сходить погадать на дочь. – Я и так знаю, что она выйдет замуж, нарожает детей и будет, назло всем, самая счастливая, вот так-то...».

Вот только никто не спешил делать Веронике предложение, и дочка, к страшному расстройству матери, жила эдаким пустоцветом, без любви и переживаний: ровно, размеренно, тихо, спокойно... «Как на кладбище...», – приходило в голову Нине Ивановне, и она тайком крестилась, хотя в Бога по старой партийной привычке не верила...

Про нового начальника Волконского дочь больше не рассказывала, но сильно с тех пор изменилась – замкнулась в себе, стала раздражительной, часто сидела в своей комнате, разглядывая себя в зеркало и постоянно злилась – то на новую морщинку, то на форму носа, то на цвет волос. Нина Ивановна не заметила, как и сама стала «заводиться»; теперь они по три дня могли не разговаривать; Вероника практически перестала следить за порядком в квартире и уже давно ничего не пекла.

К 8 марта дочь просто извелась: так готовилась к коллективному сабантую на работе, что Нине Ивановне даже стало ее жалко. Вероника три раза меняла цвет волос, два раза перестригалась, неделю подряд перед праздником ходила в косметический салон, отутюжила свой любимый серебристо-серый пиджак... И вдруг заболела гриппом!

Температура – под сорок, в постели дочь лежала мокрая, потная, но все же порывалась встать и пойти на работу, где сотрудники отмечали женский день. Еле Нина Ивановна ее утихомирила. А когда дочка, наконец, забылась в беспокойном, простудном сне, позвонил какой-то мужчина и пригласил к телефону Веронику Сергеевну. Нина Ивановна сказала, что будить дочь не будет, спросила, что передать. «Поздравьте, ее, пожалуйста, с праздником от всего нашего коллектива и пожелайте скорейшего выздоровления», – приятным голосом проворковал мужчина, из чего Нина Ивановна сделала вывод, что это и есть новый начальник. Но про звонок дочери сказать забыла – другие дела навалились...

А после болезни Вероника, вернувшись в первый день с работы, будто с цепи сорвалась: замкнулась в себе, с матерью вообще перестала разговаривать, и эта «холодная война» в крошечной квартирке оказалась невыносимой. Вот и сегодня – ну чего дочка так взбеленилась, когда Нина Ивановна к ней зашла? Ведь всего-то и хотела – на своего ребенка посмотреть, что-то подсказать, какую-нибудь складочку поправить... Да еще и дверь потом на ключ закрыла, нахалка, – разве с родной матерью так можно?!

Нина Ивановна смахнула сердитые слезинки с глаз и невидящим взглядом уставилась в телевизор. «Что же это делается, Господи, – думала она. – Мне всю жизнь исковеркала – может, и Вася сейчас бы жил, если бы не она. И сама не пойми как живет... Надо, надо размениваться с доплатой хотя бы, что ли. Я и в однокомнатной проживу, много ли мне нужно... Но дальше так нельзя. Не будет меня рядом, может, с кем-то встречаться начнет, да и я, может, какого старичка еще найду – вон, Виктор Васильевич из планового уже полгода глаз не сводит, и тоже вдовец...».

Нина Ивановна, обиженная до глубины души, даже не вышла проводить дочь, чему та была несказанно рада. Ее всю «крутило», как когда-то говорил отец. Вероника, тогда еще подросток, спрашивала: «Папа, а как тебя крутит?», на что Сергей Петрович, уже тяжело болевший, грустно улыбался: «Дай Бог, доченька, чтобы ты этого никогда не узнала...».

И вот теперь она это узнала, но описать свои ощущения не смогла бы: ее просто «выкручивало», и все... Правда, по другому поводу, чем отца: исключительно на нервной почве.

Появление (или явление?) в конторе Вадима Николаевича Волконского напрочь выбило Веронику Симакову из колеи, а его ровное на грани безразличия к ней отношение доводило просто до сумасшествия. Он просто ее не замечал! Даже несмотря на то, что в отделе она была самая молодая.

Если бы Вадим Николаевич был, к примеру, женат, Вероника давно похоронила бы в сердце все свои надежды и мечты (все равно там их было уже целое кладбище), и продолжала бы жить так, как жила. Но в том-то и дело, что Волконский не имел жены! И это было абсолютно точно – Вероника сама видела его личное дело, хотя это и стоило ей бутылки дорогого коньяка и коробки хороших конфет.

Вадим Николаевич, как потом выяснилось, был женат совсем недолго, на заре туманной юности: в 19 женился, в 21 – развелся, и с тех пор больше не связывал себя узами брака. Детей у него (по крайней мере, официальных) тоже не было, то есть кандидатура по всем параметрам просто для Вероники идеальная.

Симакова не знала, как себя с новым начальником вести, чтобы, не дай Бог, вездесущие и любопытные (особенно до ее личной жизни) коллеги чего-нибудь не заподозрили. Может быть, была даже излишне деловитой и независимой: в отличие от других женщин отдела, не кокетничала с Волконским, не строила ему глазки.

Мама всегда ее учила, что строгость и неприступность только украшают девушку, но, может быть, так было во времена маминой молодости? А сейчас все по-другому – как устаревшая программа «не работает» на современном компьютере... Вот и надо «программу» заменить: для начала хотя бы обратить на себя внимание, удивить. А если это не поможет...

Зачем тогда вообще продолжать свое растительное, безрадостное существование? «Сухое дерево», – услышала недавно в каком-то сериале и вздрогнула, настолько это было про нее. Именно «сухим деревом», которым она себя ощущала, не хотела Вероника больше жить, и на сегодняшний вечер возлагала большие надежды. «Если не сегодня, то больше никогда...», – как в бреду повторяла она, натягивая сапожки и надевая пальто. Дверь захлопнула, даже не попрощавшись, и не слышала, как мама всхлипнула в голос...

До Светки Вероника долетела за десять минут – благо, жила подруга рядом. Та встретила ее с распростертыми объятиями и сразу увела в большую спальню, где центральное место занимал неприлично огромный, раскуроченный шкаф-купе. На совершенно круглой кровати кучками лежали вещи, которые Светлана уже отобрала, и Вероника с порога бросилась раздеваться – времени просто не оставалось, а сильно опаздывать ей не хотелось.

Нежно-бирюзовый костюм она заметила сразу: открытое блестящее «маленькое платье» и длинный, почти до пола, жакет; тут же облачилась в него. Со Светкой они были одной комплекции, и костюм шел Веронике удивительно – под светлые пушистые волосы и серые глаза, вдруг странно потемневшие. Даже Светка залюбовалась подругой и сгребла в шкаф все остальные наряды – они оказались не нужны.

Вероника неуверенно оглядела себя в зеркало: в коротком она не ходила уже очень давно и чувствовала себя немного не в своей тарелке, но видела, конечно, что узкое, чуть выше колен, платье ей очень к лицу. К тому же, сверху все равно будет длинный пиджак...

Критично осмотрев Веронику со всех сторон, Светлана решительно сказала:

– Так, садись, я сделаю тебе нормальную укладку. Вспомню, так сказать, молодость!

Когда-то подруга работала парикмахером в дорогом салоне и навыков еще не растеряла. Вероника запричитала было, что опаздывает, что волосы и так нормально лежат, но Светка назидательно заявила, усаживая ее перед зеркалом:

– Девушка обязательно должна немного опоздать. И вообще, подумай сама: уж лучше прийти последней и обратить на себя всеобщее внимание, чем тосковать за столом в ожидании опоздавших...

Вероника не могла с подругой не согласиться и покорно разрешила намочить свою пышную шевелюру – дамским мастером Светка была когда-то отменным. Через полчаса Вероника с удивлением и удовольствием осмотрела себя в огромном зеркале: с тщательно и красиво уложенными волосами выглядела она стильно и эффектно, даже вызывающе накрашенные губы выглядели сейчас вполне уместно, «гармонизируя» и завершая образ. Такой она давно (а может, и никогда) не была...

«А ведь я совсем еще не старая!», – подумала вдруг Вероника, и в ту же минуту какое-то новое чувство захлестнуло ее и щекотно перехватило дыхание. Впервые за последние три месяца она почувствовала себя уверенно и вдруг поняла, что для нее сегодня нет ничего невозможного...

Туфли на изящной шпильке Вероника взяла с собой – апрель в этом году выдался сырым и грязным. До ресторана пришлось ехать на такси, и она умудрилась переобуться прямо в машине, смущенно улыбнувшись водителю.

В фойе ресторана «Экзотик», где гулял их отдел, пахло вкусной едой и хорошими сигаретами. Вероника сдала в гардероб пальто и пакет с сапожками и, многократно отражаемая зеркалами, поднялась по парадной лестнице на второй этаж. Золотистые модельные туфли и

такого же цвета маленькая сумочка на тонком ремешке хоть и не очень гармонировали с бирюзовым костюмом, но хотя бы сочетались по цвету между собой – и своим отражением Вероника осталась вполне довольна. Она старалась не расплескать то странное ощущение женской всеильности, которое ее сейчас переполняло, так что в зал вошла с высоко поднятой головой и загадочной улыбкой Джаконды на ярко очерченных губах.

Как и следовало ожидать, все бабье царство было уже в сборе. Четыре женщины постбальзаковского возраста сидели в самом углу за сдвинутыми столиками и тоскливо поглядывали на восхитительные, со вкусом и фантазией оформленные холодные закуски и салаты.

Боковым зрением Вероника уловила, что в зале многолюдно, почти все места заняты, и к ней сейчас приковано всеобщее внимание. Она словно видела себя со стороны чужими глазами (завистливыми – женскими и восхищенными – мужскими): высокая (потому что на каблуках), стройная почти платиновая блондинка в изысканном наряде, одинокая, загадочная и вообще неземная... Как бы.

Вероника прошла к своему родному коллективу и, сдержанно поздоровавшись, аккуратно уселась на один из двух оставшихся свободных стульев – второй явно предназначался для Волконского, которого за столом не было.

Коллеги по работе застыли с вытянувшимися лицами, и только повеселевшая Изольда Викторовна, все в том же сиреневом костюме с дурацкой пуговицей, не стала скрывать своего восхищения:

– Ну, Симакова, ты даешь! Предупреждать же надо! Я тебя прямо сразу-то и не узнала, ей Богу. Ты случайно «пластику» не сделала? – пошутила она, и сама же громче всех рассмеялась своей шутке, потому что тема пластических операций в последнее время стала в отделе самой обсуждаемой и злободневной.

Вероника улыбнулась и пожала плечами – мол, а что такого случилось, обычное дело, пришла в ресторан нарядная...

Женщины вышли из ступора, зашевелились, заговорили, принялись накладывать салаты и разливать вино, не дожидаясь официанта, – такое впечатление, что ждали только ее.

Веронику подмывало спросить, где же начальник, но она по привычке боялась себя «выдать» и тихо страдала от неизвестности. Хотя «новая» Вероника запросто могла бы себе позволить этот вопрос, брошенный небрежным тоном... Подумала вдруг, что если Вадим Николаевич не появится, то она уйдет из этого ресторана с первым встречным, кто бы это ни был, и чем бы это ни закончилось. Потому что ждать у моря погоды больше не было сил – она медленно сходила с ума...

Негромко играла музыка, создавая приятный фон, слышался звон посуды, мужской и женский смех – обычная ресторанный атмосфера. Вероника пробовала вкуснейшие салаты, пила красное вино, невпопад отвечала на вопросы, а сама все косилась на свободный стул, стоящий рядом: если не убрали, значит, ждут. Она даже начала сердиться на Светку за то, что та прицепилась со своей прической: пришла бы вовремя, сейчас бы точно знала, почему начальник задерживается...

Вадим Волконский появился аккурат к горячему, и душа Вероникина унеслась куда-то в пятки. Она чуть не подавилась маслиной, закашлялась, из глаз брызнули слезы, и Изольда Викторовна принялась изо всех сил колотить ее по спине кулаком.

Именно в этот момент Вадим Николаевич со своей шикарной улыбкой подошел к столу и поклонился в общем приветствии, задержав на Веронике удивленный взгляд. Сел рядом, взял в руку бутылку вина:

– Я прошу прощения за опоздание – причина, как вы понимаете, была уважительной... Ну что ж, давайте наполним бокалы и выпьем за нашу замечательную организацию, за наш отдел и его прекрасный коллектив в вашем лице. Я счастлив, что попал сюда три месяца назад,

очень вас всех люблю и надеюсь, что мое чувство взаимно... Позвольте, милые дамы, я, как единственный среди вас мужчина, выпью этот бокал стоя!

Разнаряженные женщины расплылись в довольных улыбках, потянулись к начальнику чокаться, и только Вероника сидела, будто кол проглотила, кусая губы и теребя край скатерти. Вадим Николаевич шутливо заглянул ей в лицо, протянул бокал с рубиновым вином:

– Ну что же вы, Вероника Сергеевна? За нас, чтобы все мы и впредь работали так же хорошо и успешно... Присоединяйтесь, сделайте одолжение...

Вероника залпом выпила вино и, не поднимая глаз, принялась за горячее, которое только что поднесли. Ела и не чувствовала вкуса, потому что за тесным столом постоянно – то бедром, то локтем, то плечом – прикасалась к Вадиму Николаевичу и от этого моментально начинала задыхаться. Никогда она не находилась так близко к обожаемому мужчине...

Да, именно тогда, в первый день после долгих рождественских каникул, это и случилось. Никто точно не знал, кого назначат вместо Козлова, так как слухи ходили самые разные, но все с интересом ждали представления, шушукались, на всякий случай постоянно подкрашивали губы. Изольда Викторовна, главный источник информации в их конторе, еще до Нового года знала, что начальником будет мужчина, и отдел тихо радовался. Просто еще одну бабу в коллективе они бы не пережили. В их большом кабинете уже и так была достигнута «критическая масса», готовая рвануть в любой момент, и сдержать эту силу могло только здоровое мужское начало («Или здоровый мужской конец!», – хохотала жизнерадостная Изольда, а остальные на нее цыкали и гневно отворачивались).

«Лицемерки! – бушевала потом 45-летняя Изольда Викторовна. – Можно подумать, их в капусте нашли! Да что я такого сказала?!». Но Софья Павловна, Ирэна Адамовна, которым было за 50, и даже 40-летняя заклятая Вероникина «подруга» Анжела Марковна, сама, кстати, претендовавшая на место Козлова, фыркали и кривились. Изольду Викторовну все, кроме Вероники, недолюбливали за острый язычок и неугомонность, но той было безразлично, что о ней думают эти «овцы» и «старые крысы», как она называла сослуживиц за глаза...

Волконский появился ближе к обеду – его привел Самый Главный (генеральный директор их большого и важного предприятия). За тринадцать лет работы Вероника видела Самого Главного раз десять, не больше, и поэтому сейчас во все глаза смотрела на маленькое, толстое, рыхлое существо с венчиком пушистых седых волос вокруг блестящей лысины. Она так увлеклась, что в первый момент даже не заметила того, кто стоял с Генеральным рядом... А ведь не заметить такого мужчину было невозможно!

Вадим Николаевич, их новый начальник, произвел на всех женщин неизгладимое впечатление. Он был воплощением всех девичьих грез о принцах на белых конях, Иванах-Царевичах, Королях-Королевичах и прочих сказочных персонажах, вместе взятых.

Высокий, нежный, хрупкий, нереально красивый – Самый Главный смотрелся рядом с ним как карикатура. Лет незнакомцу было около 35 (а если точно, то 38), глаза он имел небесно-голубые, волосы – темно-пепельные, рот – крупный, словно нарисованный. Но при этом красота не казалась женственной – наоборот, Волконский был похож на голливудского героя, даже мачо, и Вероника поняла, что пропадает...

Их кабинет был отремонтирован по последнему слову офисной моды: место начальника находилось за стеклом, все друг у друга на виду, так что не «пофилонишь». Вероника сидела в уголке, почти полностью закрытая компьютером, и оттуда пристально наблюдала за Вадимом Николаевичем, прячась, в случае чего, за монитор. Она бы сгорела от стыда, если бы начальник заметил, что за ним подглядывают, поэтому соблюдала предельную осторожность. И уже через месяц знала о нем практически всё...

Кофе он предпочитал обычный, испанской расфасовки, с ложечкой сахара. Очень часто не ходил на обед, а обходился быстрорастворимыми супом или кашей. А если уходил, то про-

падал, обычно надолго, и тогда Вероника задыхалась от ревности и подозрения: а вдруг он у своей любовницы, и она его кормит сейчас жидким мерзким борщом, а он и не подозревает, какие борщи варит Вероника, – все соседи сбегаются на запах, и половник в кастрюле по-настоящему стоит, как и положено...

А потом воображение рисовало ей и вовсе какие-то жуткие картины: вот Вадим Николаевич в страстных объятиях жгучей брюнетки (почему-то все соперницы представлялись Веронике именно такими), вот они в постели... Впрочем, дальше – туман, потому что думать об этом было невыносимо.

Вероникины познания в области интимных отношений долго ограничивались прочитанными книгами, парочкой порнографических фильмов и почившей передачей «Про это». Был, конечно, у нее кое-какой и собственный опыт, но именно «кое-какой»...

Да, мама не ошибалась, считая дочь девственницей. Физиологически так и было, но все же в полном смысле девственницей Вероника, конечно, себя не считала...

Первым, сто лет назад, был сокурсник Паша, такой же «поздний», как она сама. Он сначала долго и тайно страдал, так что Вероника ни о чем даже не догадывалась. Потом как-то пригласил ее к себе домой якобы по делу (мама об этом, конечно, никогда не узнала), там вдруг набросился, всю обслюнявил, приспустил джинсы с трусами до колен и разрядился Веронике на новую юбку.

Впечатлительную Веронику при этом зрелище немедленно вырвало только что съеденным тортом прямо на ковер, и она, красная, как рак, бросилась в ванную. Пашка в это время, морально раздавленный и напрочь убитый, тихо скулил, забившись в угол дивана, но Веронике было его совсем не жалко: замыв ковер, она принялась за юбку, и ехала потом в автобусе домой, потрясенная и злая, с мокрым пятном на самом видном месте... Пашку она потом называла про себя не иначе, как «половая тряпка», вкладывая в эти слова сразу два понятия...

Впрочем, Паша на следующий день в институт не пришел, не пришел и на второй день (Вероника тоже бы с удовольствием не ходила, но отличнице нельзя пропускать занятия), а позже перевелся в другой вуз.

Этот случай был страшной Вероникиной тайной, о которой не знала ни единая душа. Потом она долго на дух не выносила парней и не подпускала их к себе на пушечный выстрел. Перед глазами все время маячил жалкий Пашка со спущенными штанами, что-то липкое и противное со странным запахом на ее любимой черной юбке, – и тут же к горлу подступала тошнота. Вероника не могла избавиться от этого чувства до тех пор, пока в ее жизни не появился Гена...

Гена работал водителем у них в организации и часто подвозил Веронику до дома. Конечно, по возрасту он был Геннадий Андреевич, но если его так называли, обижался. Вероника чувствовала, что нравится ему, но Гена был женат, имел чуть ли не троих детей – в общем, никакой опасности для Вероники не представлял. Но в один прекрасный день взял да и признался ей в любви!

Ошарашенная, Вероника тогда выскочила из машины и побежала в обратную сторону, чтобы Гена за ней не поехал. Но тот тоже выскочил из машины и очень быстро ее догнал. Что он тогда только ей не говорил! «Дура, ты же цену себе не знаешь! Да ради тебя любой мужик ничего не пожалеет – что ж ты всех динамишь, никому подойти не даешь?! Если ты мне откажешь, я повешусь, так и знай, потому что без тебя мне жизни нет. Так и знай, повешусь и напишу жене записку, что ты во всем виновата, – разбирайтесь потом с ней сами...».

Вероника от этих слов похолодела и другими глазами посмотрела на Гену: среднего роста, лет сорока, крепкий, чернявый, глаза наглые, раздевающие... И слов таких ей никто никогда не говорил.

И она дала увезти себя на какую-то квартиру, где покорно сама разделась и первый раз в жизни (в 27-то лет!) легла с мужчиной в одну постель.

При воспоминании о том, что она тогда чувствовала, Вероника до сих пор вздрагивает, и какая-то сладкая волна прокатывается от самой макушки до пяток. Гена исцеловал каждый сантиметр ее тела, каждый пальчик на руках и ногах. Он в буквальном смысле всю ее вылизал, и Вероника впервые испытала такое, от чего, кажется, на минуту потеряла сознание... Ей почему-то совсем не было стыдно, потому что Гена был сама нежность, но женщиной она так тогда и не стала. Как Гена ни старался, у него ничего не получилось...

Он молча отвез ее домой и уехал, не попрощавшись, но Вероника этого почти не заметила: она пребывала под впечатлением того, что с ней случилось. Чувство было настолько волшебным, новым, пугающе-сладостным, что Веронику сначала весь вечер была дрожь, а потом она до утра не могла уснуть: вдруг поняла, что случилось что-то важное, значимое в ее жизни, что-то сломалось навсегда, и она никогда уже не станет прежней Вероникой. И отныне будет искать повторения этих ощущений, снова и снова к ним стремиться...

Но Гена на следующий день даже не подошел. Не подходил он и потом. Вероника металась, ее «крутило», она не могла работать и, как собачонка, бегала за Геной, подстерегая его после работы. Тот делал вид, что девушку не замечает, совершенно разбивая Веронике сердце, но через неделю вдруг сам поймал ее на выходе и жарко зашептал в ухо: «Сегодня должно все получиться, с женой у меня все нормально было, значит, и с тобой будет все нормально...».

И Вероника, даже не ужаснувшись смыслу этой фразы, – как телка на заклятие, снова поехала с Геной на ту же квартиру. И снова он обцеловывал ее всю, с ног до головы, и снова она уносилась на вершину блаженства, почти теряя сознание, – на этот раз не сдержалась и громко закричала от острого, почти болезненного, наслаждения... Но сам Гена остался «при своих интересах». Он заставлял Веронику делать какие-то невероятные вещи (хотя Веронике совсем было не страшно и не противно – Генино тело она воспринимала как продолжение своего собственного, как его важную и значимую часть), но все было напрасно – его плоть оставалась безучастной...

Так повторялось еще несколько раз: Вероника ждала этих встреч с нетерпеливым трепетом и волнением, хотя ей и было жалко своего странного любовника. Но однажды Гена сказал, пряча глаза: «Извини, Вероника, но больше ничего не будет, а то я вообще с тобой импотентом стану. Главное, с женой все получается, а как до тебя дело доходит, смотри, что делается... Не пальцем же тебя бабой делать, ей Богу! Ну стыдно, Вероника, понимаешь?».

И ушел из ее жизни навсегда.

Что с Вероникой тогда творилось – лучше не вспоминать. Она совсем потеряла свою гордость: поджидала Гену после работы, караулила в течение дня, узнала его домашний телефон, и каждый вечер ему звонила, хотя и нарывалась в основном на жену (тогда просто бросала трубку). Но Геннадий Андреевич как-то умудрялся обходить все Вероникины заслоны и ловушки, а однажды, внимательно выслушав по телефону ее истеричные рыдания, сказал: «Вероника, я тебя очень прошу: не создавай мне проблем. У меня семья, дети, а ты молодая, еще найдешь себе ё...», – и грязно выругался.

С тех пор, что называется, как бабка отшептала. Вероника замкнулась в себе, ушла с головой в работу, не общалась даже с подругами (именно с того времени она и стала проводить новогодние ночи дома, отказываясь от всех приглашений). Вроде бы жила – и не жила: внутри все замерло, а может, и умерло. Время тянулось медленно, но годы при этом бежали – в таком вот оцепенении, почти сомнамбулическом состоянии Вероника и провела последние годы.

Периодически кто-то на нее «западал», начинал ухаживать, но девушка вела себя странно: не приходила на назначаемые свидания, цветы принимала небрежно, умными речами не восхищалась, в общем, к интиму никак не располагала, – и молодые люди незаметно ретировались, находили себе более сговорчивых и простых подружек.

Правда, года два назад Вероника снова увлеклась: на этот раз своим инструктором на курсах по вождению, куда она непонятно зачем записалась. Игорь был молод, дерзок и без комплексов: постоянно ковырялся в зубах спичкой, лихо сплевывал в открытое окно раздолбанного учебного «Жигуля» и, кажется, мылся раз в месяц – во всяком случае, от него постоянно исходил термоядерный запах мужского пота, который сводил Веронику с ума.

Когда она уже немного научилась переключать скорости и реагировать на светофоры, то решила, что пора: на вождение надела короткую юбку. Игорь хмыкнул, когда она неловко устроилась за рулем, а потом все время косился на ее колени. Откатав положенные два часа, сам сел за руль и нахально спросил смущенную и почти на все готовую Веронику: «Ну что, прокатимся по нормальному?».

Он завез ученицу в какую-то рощицу за городом, по-хозяйски расстегнул давно не стиранные джинсы, взял Веронику за волосы и притянул ее голову к своему паху. Вероника чуть не задохнулась от смрада давно не знавших мыла мужских гениталий, но, пересиливая отвращение, попыталась сделать то, чего требовал от нее Игорь...

Ничего похожего на те ощущения, которые когда-то переживала с Геной, она не испытала, наоборот, ее снова чуть не вырвало. А когда Игорь стал подергиваться и все сильнее прижимать к себе ее голову, Вероника начала задыхаться, но потом все же как-то умудрилась вырваться у него из рук, еле справившись с рвотным рефлексом. «Ты что, дура?! – прорычал Игорь, закатив глаза. – Кто ж так делает?!..». Но Вероника, тяжело дыша и вытирая носовым платком губы, тупо смотрела в окно, сама себе удивлялась: что ОНА здесь делает? Зачем все это? На что она надеялась, когда поехала с этим вонючим козлом?..

Игорь, чертыхаясь и матерясь, все же довез Веронику до дома и, высадив ее, резко газанул с места, демонстрируя свое недовольство. Правда, на прощание успел процедить сквозь зубы: «Завтра учиться будешь...», непонятно что имея в виду, и от этого Веронику всю передернуло.

Разумеется, на этом курсы по вождению были преждевременно окончены, и водительские права она так и не получила.

С того момента мужчины окончательно перестали для нее существовать. Вероника смирилась с тем, что одна, и запретила себе об этом думать. Жила себе и жила, «коптила небо», копила на отдельную квартиру и ни о чем таком не мечтала. Правда, часто ей снились потрясающие сны, в которых она опять была с Геной (кстати, постаревшим, потолстевшим и подурневшим в реальной жизни), снова чувствовала на теле его влажные мягкие губы – и улетала, как тогда, много лет назад. Иногда вместо Гены были какие-то другие мужчины, герои сериалов и эстрадные певцы (почему-то чаще остальных снился Валерий Леонтьев), а один раз даже Светка – но хотя бы во сне Вероника ощущала себя любимой, желанной и счастливой. И эти сны вполне заменяли ей реальность, во всяком случае, они снились достаточно часто для того, чтобы не сойти с ума...

Может быть, так продолжалось бы и дальше, не появившись в ее жизни Вадим Волконский. Этот красавец и умница вывернул ее сущность наизнанку, взорвал все прошлые установки, заставил действовать. Да она была благодарна ему только за это!

В ней проснулась не просто женщина, а женщина-хищница, и Вероника твердо знала, что в этот вечер без добычи не уйдет...

– Вероника Сергеевна, вы танцуете?

Она так ушла в свои мысли, что даже не заметила, как Волконский склонился над ней в галантном поклоне и уже два раза повторил свой вопрос. Вероника нервно кивнула головой и резко поднялась, едва не смахнув со стола бокал с вином. Вадим Николаевич ловко его перехватил и аккуратно поставил на место. Вероника покраснела до корней волос и уже более спокойно протянула мужчине руку, которую тот принял, как ей показалось, трепетно и нежно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.